

Михаил Иванович Пыляев

Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в...

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Пыляев

**Начало зрелищ, балов, маскарадов
и других общественных
увеселений в России**

«Public Domain»

1892

Пыляев М. И.

Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в России / М. И. Пыляев — «Public Domain», 1892 — (Старое житъе)

ISBN 978-5-457-12339-7

«Скоморохи всегда были любезны русскому народу, они были не только музыканты, но соединяли в себе разные художества: одни играли на гусях, гудке, сопели, сурме (трубе), другие били в накры, бубны, третьи плясали, четвертые показывали медведей, собак. Были и глумцы, стихотворцы-сказочники, умевшие прибаутками и сказочными присказками потешать и разглаживать морщины слушателя. Некоторые из них носили на голове доску с движущимися фигурами и забавляли зрителя позорами или сценическими действиями, такие наряжались в скоморошное платье, надевали на себя хари, личины и т. д. ...»

ISBN 978-5-457-12339-7

© Пыляев М. И., 1892

© Public Domain, 1892

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

М. И. Пыляев

Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в России

I

Древние скоморохи. – Рассказы Олеария. – Кукольные комедии, «райки», «вертепы», представления «халдеев», «пещное действо», придворные потешники. – Заезжие игрецы на органах. – Первые театральные представления. – Комедийная храмина. – Драматическое искусство. – Мистерии. – Спектакли царицы Софии. – Ученические представления. – Первая актриса и бояре-актеры

Скоморохи всегда были любезны русскому народу, они были не только музыканты, но соединяли в себе разные искусства: одни играли на гусях, гудке, сопели, сурме (трубе), другие били в накры, бубны, третьи плясали, четвертые показывали медведей, собак. Были и глумцы, стихотворцы-сказочники, умевшие прибаутками и сказочными присказками потешать и разглаживать морщины слушателя. Некоторые из них носили на голове доску с движущимися фигурами и забавляли зрителя позорами или сценическими действиями, такие наряжались в скоморошное платье, надевали на себя хари, личины и т. д.

Непрерывный ряд обличений, которыми духовенство всегда громит любезных народу скоморохов, свидетельствует о распространенности и давности скоморошества. Скоморохи возбуждали охоту в зрителях, и последние сами принимали участие в их игрищах, принимаясь петь и плясать. Скоморохи ходили большими труппами, человек в пятьдесят и более из села в село, из посада в посад, представляя свои позоры преимущественно в праздники, «ленивые, безумные невегласы дожидаются недели (воскресного дня), чтобы собираться на улицах и на игрищах, – говорится в предисловии к слову о неделе св. Евсевия, – и тут обрящещи ина гуляша ина плещуща, ина поюща пустотная, пляшуща, ови борящася и помазующа друг друга на зло».

Н. Костомаров говорит: «В самый праздничный день гульба начиналась с самого утра, народ отвлекался от богослужения, и так веселье шло целый день и вечер за полночь. Местами представлений были улицы и рынки, от этого самое слово „улица“ иногда означало веселое игрище, и старые, и малые глазели на них и давали им кто денег, кто вина и пищи. Но нередко скоморохи, лишенные всякого покровительства власти, терпели и насилие от частных лиц. Последние зазывали их в дома и вместо того, чтобы давать им, отнимали у них то, что они получали, ходя по миру, да вдобавок еще колотили. Правительство, иногда следуя внушениям церкви, и само не раз приказывало воеводам ломать и жечь их инструменты и хари, и бить батогами тех, кто созывал к себе песенников и глумцов.

В поучениях о казнях Божьих Феодосия Печерского встречаем упоминание в числе других искушений рода человеческого и о скоморохах с гусями, сопелями и всякими играми и делесы неподобными». В житии последнего святого, писанным Нестором, пред-

ставляется целая картина пира при дворе Киевского князя. Придя однажды к князю, Феодосии застал его окруженным множеством певцов и скоморохов: одни играли на гуслях, другие на органах, иные на голосах пели песни. Феодосии смутил князя на мгновение вопросом, так ли будет на том свете, и веселье на время прекратилось, чтобы возобновиться по уходе святого, т. к. таков был обычай у князя».

Другие обличения духовенства рисуют нам скоморохов главнейшими участниками народных обрядов. На свадьбе они играют одну из первых ролей и идут всегда с песнями, плясками во главе свадебного поезда. Настанет ли тризна по умершим или сойдется ли толпами народ на кладбище, являются скоморохи, настроение меняется, печаль уступает место необузданному веселью, и «мужи и жены от плача преставше начнут скакати и плясати, и в ладони бити, и песни сатанинские пети». Купальские и колядные обряды также не обходились без участия скоморохов. Игра на замрах или зурнах, домрах, гудках, шутовские песни, целые сцены с правильными распределениями ролей между членами скоморошьей труппы, одетыми в пестрые костюмы, увешанные бубенчиками, переряженные в звериные шкуры или людские наряды и маски (хари, скураты), – все это практиковалось скоморохами.

Участвуя в народных обрядах, они входили во внутренний быт народа, проникали в семейную жизнь и славились остроумием и находчивостью, нередко ставились посредниками в решениях важных семейных вопросов.

Даже в пословицах, с виду иронически относящихся к скоморохам, слышится расположение к ним: «Волынка да гудок, собери нам домок», «Соха да борона разорила нам дома», «Бог дал попа, а черт – скомороха» и т. д.

Впечатление скоморошских игр было до того сильно, что увлекало за собой даже представителей того начала, которое искони было враждебно всякому остатку древней жизни. В поучениях митрополита Даниила говорится: «Нецыи от священных яже суть сии пресвитеры и диаконы, и иподиаконы, и четци, и певцы, глумяся играют в гусли, в домры, в смыкии в песнях бесовских и безмерном, и премномом пьянстве, и всякое плотское мудрование и наслаждение паче духовных любяще».

Как мы выше уже говорили, одно время, особенно при царе Михаиле Федоровиче, противодействие духовных властей встречает поддержку и в светских властях. Так, при этом царе однажды в Москве не только у скоморохов, но и вообще в частных домах музыкальные инструменты отбирали и сожигали; таким образом их было тогда истреблено на костре пять возов. Из патриаршей грамоты этого времени видим, что по праздникам в Москве великие бесчинства творятся, и вместо духовного торжества и веселья жители предаются играм и кошунам бесовским, сзывают по улицам медведчиков¹ и других скоморохов, приказывают их на торжищах и распутиях сатанинские игры творити, в бубны бити, в сурны ревети и руками плескати и плясати, и иная неподобная деяти.

По свидетельству Олеария, при царе Алексее Михайловиче у нас уже устраиваются переносные сцены с представлениями марионетных пьес. «Для этого, – говорит он, – они обвязывают вокруг своего тела простыню, поднимают свободную сторону ее вверх и устраивают над головой своей таким образом нечто вроде сцены, с которою они и ходят по улицам, и показывают на ней из кукол разные представления». Иногда же вместо подобного устройства скоморохи носили на голове, как мы выше говорили, простые доски с подвижными куклами, придавая им различные забавные положения; такие скоморохи, как говорит тот же Олеарий, были как русские, так и голландцы; представляемые ими фарсы были в духе и характере народного вкуса, и все они носили на себе яркий отпечаток сальности и цинизма. На такие неблагопристойные представления стекалась большая толпа, и на них не только с жадностью смотрела молодежь, но и дети, и женщины. Цинизм фарсов заключался в пере-

¹ Представления с медведями, козы в сарафане ввелись у нас во время Бориса Годунова – вывезены они были из Сибири.

даче движениями марионеток, речами и даже телодвижениями скоморохов сладострастных сцен, причем не стеснялись изображением их в самых грубых формах, оскорбляющих стыдливость обоих полов. Сюжеты тогдашних кукольных комедий, надо полагать, мало разнились от наших петрушек. Такие комедии посейчас еще играют в Москве под Новинским и на дворах в столице. Содержание этих представлений и теперь большою скромностью похвалиться не может. Тот же цыган, продающий лошадь, та же Варюша, петрушкина невеста, и тот же козел, квартальный и черт. В старину также известны были еще вертепы или райки; в Малороссии с ними ходили ученики семинарий по домам граждан в Рождество и на Пасхе. Такие вертепы были не что иное, как те же театрики марионеток, они существовали в Польше уже в давние времена, назывались они там *яселки* или *szopka*. Представления по городам и селам начинались с конца декабря и продолжались до февраля. При яселках речи действующих лиц произносил ученик, скрытый позади сцены, а товарищи его пели рождественские канты, представлялось: Христос, лежащий в яслях на сцене, осел и воз стоят при яслях; Иосиф, св. Дева принимают лиц, приходящих на поклонение. На этой же сцене потом идет светское представление, и из боковой башенки выходит здоровенный поляк с деревянною саблею, к нему присоединяется его жена в чепце, после взаимных поклонов они танцуют польский и уступают место смуглому украинцу, который, поклонясь зрителям, лихо выплясывает со своей сударушкой, является затем немец в панталончиках в обтяжку, а за ним с трудом следует толстая немка, далее бурливый забияка с толстой палицей шумит и достает своим оружием носы любопытных зрителей, малорослый, но крепкий краковяк в живописном костюме своей родины, отправив до дому свою Катюшу, вступает в драку с забиякой. После Ирод, со скипетром в руках и в сопровождении своего наперсника-жидка, произносит угрозы на весь мир, но потом умирает в ужасных муках, жидок подвергается той же участи, а жена Ирода, Ревекка, оплакивающая судьбу его, увлекается нечистыми в ад, вместе с телом мужа. Затем колдунья масло пахтает, а дьявол выпивает у ней сметану. Напоследок дряхлый старик с мешком для денег просит себе смерти, и тем кончается представление.

Олеарий еще рассказывает о так называемых халдеях, которые получали от патриарха ежегодно позволение перед Святками и Масленицей производить свои представления. Халдеи одевались, совершенно как немецкие актеры карнавалных празднеств, в деревянные расписные шапки, бороды у них были обмазаны медом для того, чтоб не поджечь их огнем, халдеями они назывались потому, что представляли рабов царя Навуходоносора, которые разводили огонь в печи для наказания трех отроков. О древнерусских халдеях, по свидетельству профессора Архангельского, в первый раз упоминается в приходе-расходной книге новгородского архиепископского дома. Представление халдеев носило название *Пещное действо*, совершалось оно в Москве, Новгороде и Вологде. Действо совершалось за неделю перед Рождеством, в воскресенье, во время заутрени. Посреди церкви ставилась печь. Такая печь сохранилась посейчас в музее Академии художеств: она состоит из двенадцати столбов, украшенных резными и скульптурными изображениями святых. В церковь входили отроки, набранные из певчих или монастырских служек. На них были надеты шапки, обшитые заячьим мехом и сверху позолоченные и раскрашенные, одеты они были в длинные платья из красного сукна, халдеи снабжались белыми убрисами (полотенцами), которыми в назначенное время должны были связать руки отрокам и затем вести их к печи. У халдеев были в руках еще какие-то длинные трубы. Кроме этих лиц в действе участвовал еще так называемый учитель отроческий. Отроки собственно в печь не ввергались, а стояли подле нее, под печь ставили горн с горячими углями, и при печи стояло до 50 подсвечников. Обряд действия был связан тесно с богослужением. Среди служения однообразно звучали речи халдеев: товарищ зовет один другого, когда отроки отказывались поклониться золотому тельцу «Чаво?» – отзывается другой. – «Это дети царевы». – «Нашего царя повеления не слушают?»

– «Не слушают и златому тельцу не поклоняются». – «Не поклоняются?» – «И мы вкинем их в пещь. И начнем их жечь». Ответы отроков на требования халдеев были следующие: «Видим мы пещь, – говорит один из них, – но не ужасаемся ее; есть бо Бог наш на небеси, Ему же мы служим», – и т. д. В последнюю минуту является ангел с небеси. Ангел спустился в трубе «зело велице», на деле же это не исполнялось, и ангела заменял образ, на котором был изображен архангел, образ этот почему-то был подбит кожей. По рассказам, впрочем, очевидца Флетчера, ангел слетал с церковной крыши, к величайшему удивлению зрителей, при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха халдеями, по другим рассказам, дьяконы и причетники кидали горсти плауна (*Semen lycopodium*) на свечи и направляли вспыхивающие искры на халдеев.

Скоморохи известны с XV столетия, но только середину XVII века можно назвать эпохой скоморохов. В эти времена, помимо странствующих скоморохов, были и такие, что жили постоянно при царском дворе или при домах богатых и знатных бояр. В былинах о «Чуриле Пленковиче» говорится о придворном постельнике, что, по должности и обязанности службы сидя у изголовья, потешал князя и княгиню игрой на гуслях, у царя Иоанна III был на службе при дворе органный игрец, по имени Иван Спаситель, каплан белых чернецов Августинова ордена. При Иоанне Грозном придворные скоморохи уже играли при царском столе видную роль, с ними сам царь иногда пел разгульные песни и плясал в «машкарах».

По писцовым книгам 1500 года между прочими людьми и ремесленниками упоминаются скоморохи в некоторых погостах. Особенно ими изобилует город Ямы. В нем стояли двор Игнач-скоморох, двор Куземка Олухнов-скоморох, двор Олексейко-скоморох, двор Зелена-скоморох, двор Офоноско – да Радивонки-скоморохи. Не зная никакого ремесла, они потешали народ музыкой и своими штуками. Очень понятно, что в тогдашнем обществе скоморохи не пользовались таким почетом, какой теперь воздают преемникам музыкально-сценического ремесла их. Дворы их поставлены в писцовых книгах наряду с дворами пастухов, которые тоже считались последними людьми в городе.

В следующем столетии при дворе царя Михаила Федоровича уже служат разные заезжие игрецы на органах и клавикордах, а также разные цимбальники-скрипичники, научившиеся этому искусству у иностранцев. При дворе царя Алексея Михайловича разная *шпильманская хитрость* уже находит полное применение. Московский двор того времени отличается блеском и пышностью, просвещенный боярин той эпохи Артамон Сергеевич Матвеев, из дома которого была взята царица Наталья Кирилловна, дает вкус веку и имеет модное влияние на придворную жизнь. Он вызывает из-за границы многих актеров и музыкантов, и в его время царь уже преследует грубое скоморошество и на своей свадьбе заменяет прежние музыкальные потехи пением. Так, в описании царской свадьбы (Рос. вивлиофика. Ч. XIII. С. 214) мы читаем: «Да на прежних же государских радостях бывало в то время, как государь пойдет в мыленку, во весь день с вечера до ночи на дворе играли в сурны и в трубы и били по накрам; ныне великий государь на своей государевой радости накрам, трубам быти не изволил. А велел государь в свои государски столы вместо труб и органов, и всяких свадебных потех пети своим государевым певчим, дьякам, всем станицам, переменяясь, строчные и демественные большие стихи от праздников и в триодей драгие вещи со всяким благочинием». Многие из придворных царя, как, например, князь Ив. Ив. Шуйский, князь Д.М. Пожарский и князь Шейдяков, имеют своих собственных скоморохов. Олеарий рассказывает о позитиве (органе) и всякого рода других музыкальных инструментах, которые имел у себя друг немцев великий боярин Никита Иванович Романов. По свидетельству «дворцовых разрядов», на комедийных потехах в то время играют уже иностранцы-музыканты, да еще дворовые люди боярина Матвеева; последний в 1673 году заводит даже театральное училище, подготовлявшее актеров и музыкантов русского происхождения. В эпоху тишай-

шего царя, масса отечественных скоморохов увеличивается большим количеством заходящих иностранцев, комедиантов, фокусников и т. д.

По свидетельству современников, этот царь в первый раз слышал музыку на органах, фиолах (скрипках), трубах и других инструментах в своем дворце 2 октября 1672 года. Такое исполнение музыкальных пьес было исполнено вновь прибывшим в Москву немецким оркестром под управлением Готфрида Грегори. Оркестр очень понравился царю; последнее обстоятельство дало смелость Грегори испросить у государя позволение и на театральное представление; репертуар Грегори состоял из пьес духовного содержания; сам он был тоже духовное лицо – пастор. Царь дал согласие на открытие таких представлений, назначив местом их свой дворец в селе Преображенском, и ровно через месяц состоялось первое представление: давали комедию «Как Олоферну-царю царица голову отсекла». Участвовал в представлении сам Готфрид Грегори и «его компания», хор же музыки состоял из смешанного русско-немецкого оркестра, обученного из дворовых людей боярина Матвеева немецкими придворными музыкантами и органистами. Успех первой пьесы был блистательный, актеры были вознаграждены царем щедро, а самая пьеса была переплетена в сафьяне с золотом.

Впоследствии труппа пастора Грегори состояла из посадских детей, отданных во науку Грегори боярином Матвеевым. На первый раз таких учеников ему отдано было 26 человек, на содержание их было положено от казны по денгу, пока «будут в учении у магистра, – как тогда называли Грегори, – по четыре денги человеку на день». Грегори жил в Новонемецкой слободе, и там же помещалась школа «Комедийного действа».

Содержание, отпускаемое на школу казною, по-видимому, было крайне недостаточно, и в сохранившейся жалобе учеников говорится, что «корму им не учинено, и что они, ходя к магистру, платишком ободрались и сапожишками обносились и пить-есть нечего». Костюмы шились также на казенный счет, равно как изготовлялись на деньги Приказа парики, бороды и мелкие бутафорские вещи. Так, Грегори было однажды выдано на платье ангелов и на молодого «Тавию и на спустышественников его 30 рублей». В другой раз выдано на «бороды евреев и на иную меньшую починку пять рублей».

На первом представлении царь был без семейства, позднее мы видим, что представления уже давались в присутствии царицы и всей семьи. Чтобы скрыть царицу от публики, говорит А. Веселовский, прибегали к средству, употребляемому нередко при торжественных выездах иностранных послов в Москву, на которое царица и великие княгини смотрели из закрытых помещений около ворот Кремля, в театре была устроена галерея с опускаемыми решетками. Как сцена, так и места, отведенные для царя и его приближенных, покрывались коврами и красным сукном. Простые же зрители сидели на лавках, весьма незатейливых, которые покупали у подгородных крестьян. Сцена скрывалась от зрителей занавесом, который висел на продольной проволоке, укрепленный на ней медными кольцами. Театр освещался сальными свечами, вставленными в деревянные подсвечники.

За первым представлением последовал целый ряд других спектаклей. Особенно понравилась также еще пьеса об «Артаксерксе и Амане». На заговенье был исполнен дивертисмент, в котором играли только на органах и танцевали. Дивертисменты, составленные из декламации и плясок, исполнялись, по-видимому, чаще пьес; у Рейтенфельса, известного путешественника по России, сохранилось о представлении, бывшем в субботу на Масленице 1675 года: перед началом балета на сцену выступил актер, одетый Орфеем, и обратился к царю с речью в стихах, в ней он прославлял торжественный день, в который труппа снова дерзает потешать великого государя. Затем до небес превозносил прекрасные свойства души Алексея Михайловича и в заключение, обращаясь к двум пирамидам, стоявшим по бокам его рассвеченным разноцветными огнями и покрытым транспарантами в честь царя, он пригласил их танцевать с собою. За этими словами начался балет.

Самый же театр был построен в 1673 году; 22 января царь отдал приказ об устройстве комедийной храмины над аптекой; на работу было выслано 25 плотников, которые работали с замечательною поспешностью днем и ночью, так что не прошло четырех дней, как все уже было готово; к спектаклям стали приглашать и местных музыкантов; в документах, изданных Калачовым, видим, что были посылаемы «приказу галицкие чети молодые подьячие по три дня в Новонемецкую слободу по полковнику по Миколая фон Стадена и по музыкантам да по Тимофея Газенкруха с товарищи, как им велено быть в комедийных палатах для потехи». В составе оркестра видное место занимали небольшие органы, затем употреблялись фиолы, накры и трубы; были и другие «страменты».

Кроме пастора или магистра Грегори, во главе руководителей московского драматического искусства в последний год царствования тишайшего царя состоял еще некто шляхтич Степан Чижинский, бывший учитель Киево-Братской духовной академии. Профессор Буслаев полагает, что он явился в Москву не случайно. Представления Грегори, дававшие буквальные и часто тяжелые переводы немецких пьес, никак не могли удовлетворить тогдашнее русское общество; они могли представлять интерес случайный лишь на первые разы, но затем неизбежно должны надоедать; боярин Матвеев, по-видимому, был озабочен тем, чтобы придать первому театру чисто русский или славянский характер. Чижинский поставил несколько пьес, лучшая из них была «Давид с Голиафом». Труппа, которую он обучал, состояла из 80 человек разного звания людей; каждый учившийся получал по алтыну в день. Из писателей народных драм известен был еще Сильвестр Медведев; родом он был из курских подьячих, ученик и друг Симеона Полоцкого. Он известен так же, как автор записок о первом Стрелецком бунте. Медведев, в угоду царевне Софье, написал две пьесы: небылицу в лицах «Меч-кладенец» и первую русскую сатирическую комедию «Шемякин суд». Автор этих пьес, Сильвестр Медведев, был казнен в 1690 году вместе с Щегловитым за участие в заговоре с стрельцами по доносу греков Лихуд, основателей Греко-латинской академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.